

Григорію Петникову.

Л Ъ В У — Б А Р С Ъ.

(Посвященіс)

Льву. Волю о любви овить въ пустыни
И стынущею и стонущею ищунѣмъ.
Барсъ. Храбростію собраться въ
 клубокъ втынѣ
И нынѣ истинное, истечь, утечь еще
 виномѣ.

Биоградомя дорогимъ дороги,
Да роги гордая окрасить разъ и сто.
И плескъ своимъ сердцемъ, о боги,
Волишь, влишь и тебя, тобратъ, въ
истокъ.

И весна- и во снахъ любо, о болѣ: о лѣтъ
Тѣлесно, и лѣсъ и сѣло понимавъ,
помянуть.
И блескъ лѣсный лестный по лику плетью
Соолнечною, чью, о я! поять прямо
въ нутрь.

Май 1918.

МУЗЫКА НА ПАСХУ.

Ладъ пѣва храмового,
Ликъ великаго лѣса-лѣпа,
Хоръ громовой нехромого
Хорового солѣпа.

А пѣло безпрерывъ рокотань-рокотунь,
А тѣло бѣлое безпрерывъ гремѣло
—О липѣ, о тополѣ, о туѣ
—Гремль бѣлый!

Лилось, лилось, лилось
Солѣпымъ солнцемъ цѣлуясь днесь.
И левъ и лань и лось
Веселясь, селились въ цѣломъ бубнѣ

Будни
—Буде.
Праздникъ

Возгрянуль, грянь, грянь, красникъ!

22 Апрель 1918.
Утро

ОУТЪШЬ ИСЦЪЛИТЕЛЬНАЯ.

Весе сна спадшаго,
Граде, даръ радости радоницы!
Гремль, младшій громъ—
А ну ницы!
И цѣлуй у лея дождя
Благословенныя руки.
И цѣли у лара вождя
Міроточивыя муки.
Кому, кому, о муко, купать
Упадки въ купели липѣ.
О, падь,
Да возносяійся лѣпѣй!

Мѣноденной—
Ой де мѣды!
Вѣнць ледяной у лица.
У льнеца
Льнець я, чтець, не царь—
Въ родѣ вѣды.
Вѣду, въ вѣдѣ въѣзжая, жарь,
Вижу: истовъ, вострь царь
Ей мужъ.
Ему жъ и жмутокъ умныхъ складъ,
Ему жъ и урны рунной сладъ:
Алсъ! Аслъ! ласковый кладъ.
И лѣдъ и лодь и мѣды менады,
Перуннорунной лады!

1913.

АБИССИНСКАЯ СИНЬ—СЫНЕ.

Цвѣтень нецвѣвый ни лѣтомъ, ни зиму
За марку влаженъ въ раму руки.
Реки: рѣки
Неоцвѣтаетъ низину.
У низи въ снѣгу, негустъ больной
Ноя отъ льда, текая водою,
О, долю
Свою смѣсилъ съ лѣсинымъ льномъ—
Сыномъ, сыномъ! виномъ лиловымъ
Пролилъ свой лѣдъ и долю долилъ.

А сыно сѣверный срывоватымъ ловомъ
Обралъ для рамы—для рукъ—кругъ до-
линь.

26. III. 913.

ПУСТЫНЯ.

Монахъ да мохъ да холмъ да хомуть.
Тому да въ омутъ утомой,
Утонуть,—а то ну ото смуть—
Удъ о морь!
Тому тонуть въ пескъ въ близкѣ.
И съ кѣмъ говорить? съ рыбой?
Вино иное инеить въ вискѣ—
А голъ съ голубой глыбой?
Оболъ лобовой, Богъ съ тобой,
—Волной вольну голубой!

ВОЙДЕМЪ ВЪ ОНЪ.

Жужжжъ жидкое, дикое жъ,
Течеть, чернѣя въ небѣ никѣмъ.
Тебя, поя, умоляю, Китежъ,
А тутъ—дукъ-дукъ—гукаетъ пикетъ.

И громко, гробъ боря, молчимъ.
Шутиха хитритъ въ рѣчахъ чечоткой
Какой, о какъ блѣдголь щить!
И жужжж це-це и старчу четко.

Вода - это сожженое тѣло.
„Галбара“

Сожжено! Сожжено! женой.
Но и Ной опьянѣлъ бы нѣмѣе,
Умѣя пьянѣть виномъ—Ной.
—Со мной въ пустынѣ мѣсяцъ!

Луну! Луну! внутри
Которой соромныя пятна!
Огонь нагой! утри
Слезы, которыя кропятъ янтарь.

Родня моя, вода,
Ты женой сожженое тѣло,
А вдова ли, Ева ли—воотдать
Вину и огню Ноя те!

ВЫВОЗКА ВОЗА.

Золотое голодное: волокно—
Холодость, младость: благовѣсть, воскъ.
И вотъ, тово,—морокъ: волокомъ
Около выползь возъ.
Заворачивай, старче чорты!..
Короче, короче, коростовой: гроба!!
Черень
Возъ, какъ кости тамъ черные города.

А доро́ги, радогой родимецъ: грязязны.
А людищци! рогаты, грооозны.
А мы сами, кормилецъ,—тлимъ же за ны.

И заныло, заскрипѣло, запѣло: хоро-
хоррррыы
И возъ—и возецъ—и кости-города́:—
до горы—да гори!!!

Апрѣль 1918.

БЪГСТВО ВЪ ТУМАНЪ.

Жолтой жоръ,
Рожъ ожига—
Золы золотыя—жаръ,
Ой, живо—гасъ!!!

Саго, сало, село—ухъ!
Ху!—олесо, ласо, гасъ
Саго, сало, село—въ брюхо!!
Кровь хлещи въ щи, въ квасъ...

Саго страшное—сукровицы сгустки.
Сало смрадное—съ трупной утки.
Село смертельное—гниющее сутки—
Ухъ, кинь, ухъ кинь все во весь скакъ!!

А мы то какъ??

А вотъ какъ мы, а вотъ какъ мы—
отберемъ у ребятъ каймакъ...